

Дмитрий Певцов: Известия - 1996 - 82 вг - с. 6

Нет разницы, снимусь ли я у Спилберга или у Лунгина

Всю жизнь актер мечтал сыграть Собакевича, но в «Ленкоме» будет играть Чичикова

Отечественный кинематограф должен быть по гроб жизни благодарен отечественному театру. Хотя бы за то, что в трудные времена театр сохранил кинематографических звезд. И не просто сохранил — открыл их заново и даже усилил их блеск. В прежние времена быть бы Дмитрию Певцову любимцем миллионов. Лет пятнадцать назад его лицо тиражировалось бы открытками, обложками журналов, многометровыми афишами на главных проспектах всех городов страны. Впервые, эффектный, сильный, работает почти без каскадеров. Во-вторых, романтический, красивый, молодой. Наконец, талантливый. Певцов — единственный отечественный актер, удостоившийся европейской кинопремии «Феликс» за роль в фильме Глеба Панфилова «Мать»...

Сейчас российское кино, как известно, мало кто видит. А на Певцова ходят в театр. Именно там, у Марка Захарова, в московском «Ленкоме», он сыграл Гамлета, Фигаро, Треплева. К этому следует добавить работу с Аллой Демидовой в «Федре» и «Квартете». Дмитрий Певцов представляет новое актерское поколение, оно вошло в активную творческую жизнь путем необычным, странным, даже ненормальным. Но, слава Богу, все-таки вошло.

— Дмитрий, как сейчас складываются ваши отношения с кинематографом?

— У меня есть ощущение, что давно не снимался в серьезном кино. Хотя работа есть. Закончили съемки сериала «Королева Марго», где я играю Генриха Наваррского, а Ольга — мадам де Сов... (Ольга Дроздова — актриса театра «Современник» и жена Дмитрия. — Ред.). Еще снялся у Павла Лунгина в фильме «Линия жизни». Я, правда, его пока не видел, но работать было интересно...

Во время экспедиции под Самарканд мне пришлось выполнять трюки с лошадьми, каких прежде никогда не делал. И работать с

Лунгиным понравилось. Он — импровизатор. С ним абсолютно недостаточно выучить текст и вовремя явиться на съемочную площадку. Он может тут же все поменять, перекроить. Зыбкие ощущения — на грани потери органики и потери образа. В кино это иногда приводит к неплохим результатам.

— Сейчас о вашем актерском поколении начинают говорить именно как о поколении. Называют имена Маковского, Машкова, Миронова...

— Я рад, что в последнее время появилась плеяда блистательных актеров моего возраста — кто-то чуть постарше, кто-то младше. Тем более приятно, когда мое имя причисляют к их именам. Хотя, разумеется, честолюбие всю жизнь нашептывает любому актеру: ты — один-единственный, равных тебе нет. На самом деле Бог дал, Бог и взял. Он может в одно мгновение все отнять. Пока этого не произошло, я счастлив и благодарен судьбе.

Наверное, в театре могу сыграть кого угодно. С мучениями, с премьерными провалами, добрая и догоня на ходу. Рефлектирующего интеллигента, наемного убийцу — кого угодно. В кино все намного сложнее. Там, скорее, используется моя фактура, некое суперменское начало. Хотя были у меня и в кино неожиданные вещи. Конечно, по типуажу я не деревенский герой, не простак... Кто? Бог его знает.

— Пару лет назад модно было говорить: «поколение, выбирающее пельси». Имелись в виду не только герои, но и сами актеры, которые всегда в форме, которые являются на съемочную площадку минута в минуту, не позволяя себе расслабиться, выпить лишнего. Речь шла об актерской генерации более деловой, строгой...

Дмитрий Певцов в спектакле театра «Ленком» «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

— Мне трудно расписываться за целое поколение, могу говорить только за себя. Всегда раздражает, когда опаздываю. А в кино обычно — полный бардак: приходишь вовремя и четыре часа ждешь начала съемок. Поэтому последнее время могу приехать на площадку на час-полтора позже. Все равно ничего не произойдет. Другое дело — театр. Там механизм, он работает четко...

— Примерно в одно время в «Ленком» пришло сразу несколько молодых актеров, подававших надежды, популярных в основном благодаря кинематографу. Их судьбы сложились по-разному. Кому-то доставались по преимуществу роли главные, кто-то так и оставался на вторых и третьих. Почему? И вообще, есть ли в «Ленкоме» внутренняя конкуренция?

— Моя ситуация была несколько отличной от других: я пришел в «Ленком», имея за плечами 6 лет работы и несколько главных ролей на профессиональной сцене, пришел на конкретную роль в конкретном спектакле — «Гамлет» Глеба Панфилова, у которого до этого снимался...

Что до конкуренции, то «Ленком» на сегодняшний день — самый здоровый театральный организм в Москве. Здесь есть марка, которой люди дорожат. А если есть претензии, недовольства, комплексы, так они бывают в любой труппе...

— Вы не боитесь премьерства? — Боюсь. Есть актеры, которые в нашем театре работают значи-

тельно дольше, чем я, а играют меньше. Стараюсь строить отношения так, чтобы никого не задеть, не обидеть...

До «Ленкома» шесть лет проработал в Театре на Таганке, и там меня хорошо «поели». На Таганку пригласил Анатолий Васильевич Эфрос. Первые два года, пока он был жив, все было замечательно. А потом началось... Так что у меня довольно толстая кожа, и разозлить меня трудно.

— В каком возрасте вы стали обладателем «Феликса»?

— В 27 лет. Помню, что было очень приятно. Но не более того. Но понимаете: актером лучше, чем был до этого, я не стал. Попал, правда, в какой-то западный актерский каталог, и мне потом шесть лет присылали приглашения и сценарии.

— Сейчас перестали?

— Перестали. Я уже пережил все эти увлечения: «Вот я поеду сниматься к Спилбергу, поеду работать в Голливуд...». На самом деле все это хреновина. Нет особой разницы, снимусь ли я у Спилберга или у Лунгина. Вся эта популярность, слава, может быть, даже всемирная... Ко всему хорошему человек привыкает. А вот идти собственным путем, искать в своей профессии — с мучениями, с преодолением лени, с болью — и что-то находить... Вот самое интересное и самое главное.

— Эфрос, Виктюк, Панфилов, Захаров, Терзопулос, Лунгин — список режиссеров, с которыми вы уже работали (и вовсе не в Голливуде), впечатляет.

— Было время, когда мы репетировали с Эфросом «Мизантропа», а я тогда еще не закончил четвертого курса. Честно говоря, я мало что тогда понимал. Может быть, мне было проще преодолеть этот первый барьер благодаря собственному характеру. Я принимаю жизнь такой, какая она есть, ничему не удивляюсь, спокойно общаюсь и с актерами-звездами, и с режиссерами-звездами.

Марк Анатольевич Захаров всех нас зовет по имени-отчеству. И премьеров, и молодых артистов...

— Есть талантливые актеры, которым не довелось сыграть классических ролей. У вас же к 33 годам набор уникальный — Гамлет, Фигаро, Треплев...

— Последние два года меня преследует желание играть пьесы с открытыми страстями. Шекспира, может быть, Корнеля... Так, чтобы

эмоции прорывались наружу. Возможно, это реакция на работу в «Чайке», где все у моего Треплева внутри, без всякого внешнего выхода.

— Многие вещи, которые вы умеете делать, актеры обычно сами не делают. После фильма «По прозвищу Зверь» писали о вашей блестящей физической подготовке, владении боевыми приемами. В других случаях говорили, что вы кавалерист и акробат. Вы ведь, кажется, из спортивной семьи?

— Да, я первый в нашей семье, кто пошел в творческую профессию. Мама всю жизнь проработала спортивным врачом, отец был хорошим пятиборцем, потом тренером, сейчас работает в школе верховой езды. В такой семье я не мог не быть спортивным человеком. Когда мы работали над «Федрой», то специально занимались акробатикой. Цветаевский текст в соединении со сложными акробатическими элементами — это было странной и необычной актерской задачей. Да и в «Женитьбе Фигаро» далеко не каждый мог бы повторить мой рисунок роли. Хотя по большому счету все это такая ерунда.

— Не кажется ли вам, что, помимо серьезных драматических ролей, в театре обязательно нужны и несерьезные, легкие, ироничные?

— У меня была такая история. Всегда хотел сыграть Собакевича в «Мертвых душах». Я чувствовал в себе некое зерноподобное начало, нечто такое... медведьобразное... Мы сделали студенческий этюд, который получился гомерически смешным...

— Правда, что вас с этим этюдом приглашали 6 театров, в том числе и Ленком?

— Хотя и нескромно в этом признаваться, но правда...

И вот прошли годы, Захаров ставит «Мертвые души» и дает мне роль... Чичикова. Это настолько неожиданно — мне казалось, что между мной и Чичиковым лежит пропасть. Хотя у Гоголя и у Нины Садур, пьесу которой мы сейчас репетируем, Чичиков разный. Там замечательное развитие роли: все начинается, как у Гоголя, а в финале герой сам становится почти Гоголем — художником, поэтом, творцом. В Чичикове мне предстоит увидеть несостоявшегося художника, а художники всегда были героями нашего времени.

Александр КОЛБОВСКИЙ.